

РОБЕРТ О'БРАЙЕН

100

Z-ЗНАЧИТ
ЗАХАРИЯ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
О-23

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Robert C. O'Brien
Z FOR ZACHARIAH

Печатается с разрешения The Estate of Robert C. O'Brien
и литературных агентств
The Karpfinger Agency и Nova Littera SIA.

Перевод с английского *Петра Волцита*
Оформление обложки — *Виктория Лебедева*

Серия «Сотня» основана в 2014 году

О'Брайен, Роберт.
О-23 Z — значит Захария / Роберт О'Брайен; [пер. с англ.
Петра Волцита]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. —
288 с. — (Сотня).

ISBN 978-5-17-090930-8

Мира, который она знала, больше нет. Ядерная война унесла всех ее близких. Шестнадцатилетняя Энн Бёрден осталась совсем одна в изолированной долине, окруженной горами... а может, и на всей планете. Ужасно, не правда ли?

Но по прошествии года Энн убеждается, что ошибалась. И что даже в этом изуродованном, вывернутом наизнанку мире может быть кое-что страшнее одиночества.

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© 1974 by Sally Conly; Renewed © 2002 by
Christopher Conly, Jane Leslie Conly, Kate
Conly and Sarah Conly

© П. М. Волцит, перевод на русский язык, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2016

ISBN 978-5-17-090930-8

ОДИН

20 мая

Мне страшно.

Кто-то идет.

То есть я думаю, что кто-то идет, хотя не уверена и молю Бога, чтобы ошибиться. Я пошла в церковь и молилась все утро. Окропила водой алтарь, положила на него цветы: фиалки и кизил.

Но дым никуда не делся. Он держится уже три дня — не как в прошлый раз. Тогда, год назад, дым поднялся вдалеке огромным облаком и висел в небе две недели. Огонь пожирал мертвые леса, пока не пошел дождь и дым не исчез. Но сейчас там просто тонкий столбик, невысокая струйка.

И столб этот поднимался три раза, всегда под вечер. Ночью дыма не видно, а к утру он исчезает. Но каждый день возникает снова и

все ближе. Поначалу он появился за хребтом Клейпоул, и мне было видно только самую его верхушку, малюсенькое пятнышко. Я подумала, это облачко, но оно было слишком серым, неестественного цвета, а затем я сообразила: других-то облаков нет, небо чистое. В бинокль я увидела, что «облако» узкое и прямое — столб дыма от небольшого костра. Пока мы еще ездили на грузовике, хребет Клейпоул был от нас в пятнадцать миль, хотя кажется, что он ближе. Так вот, дым шел за ним.

За хребтом, еще миль в десяти дальше, находится Огдентаун. Но там живых не осталось.

Я знаю это, потому что, когда война кончилась и все телефоны замолчали, папа с Джозефом и Дэвидом, моими родным и двоюродным братьями, поехали на грузовике разведать, что к чему, и первым делом отправились в Огдентаун. Они выехали рано утром; Джозеф и Дэвид дрожали от волнения, а отец выглядел очень озабоченным.

Когда они вернулись, уже стемнело. Мама беспокоилась, почему их нет так долго, и мы ужасно обрадовались, когда, наконец, увидели огни грузовика, перевалившего через холм Бёрден в двух милях от нас. Они смотрелись маячками. Единственные огни в округе,

не считая света в доме, — больше никаких машин за целый день. Мы знали, что это наш грузовик, потому что одна фара, левая, всегда мигала, когда машину подбрасывало на неровной дороге. Грузовик подъехал к дому; от утреннего возбуждения ребят не осталось и следа. Они выглядели перепуганными, а отца, казалось, подташнивало. Возможно, от уже начинавшейся болезни, но главным образом, думаю, просто от ужаса.

Мама с тревогой глядела, как он выбирается из кабины.

— Что там? Что вы нашли?

— Тела. Только мертвые тела. Они все мертвы.

— Все?!

Мы пошли в дом, полный света, мальчики молча плелись позади. Папа опустил на стул.

— Ужас, — сказал он и повторил: — Ужас, ужас. Мы ехали по улицам, осматривая все вокруг. Сигналили. Потом поехали к церкви и били в колокол. Его за пять миль слышно! Ждали два часа, но никто не пришел. Я зашел в пару домов: к Джонсонам, Питерсам — все на месте, все мертвы. И мертвые птицы на улицах...

Джозеф заплакал. Ему было четырнадцать, и я уже шесть лет не видела, чтобы он плакал.

21 мая

Он приближается. Сегодня уже почти на гребне хребта, но еще не совсем — в бинокль я не видела пламени, только дым, но тот поднимался очень быстро, значит, невысоко над костром.

Я знаю, где он: на развилке. Сразу за перевалом шоссе восток—запад, на Динтаун, пересекается с нашей дорогой. Это автострада номер 9, федеральная трасса, крупнее нашей окружной дороги 793. Он остановился там и думает, куда пойти: по Девятой или через хребет. Я говорю «он», потому что так думаю, хотя, возможно, это *они* или даже *она*. Но мне кажется, он. Если он решит идти по шоссе, то уйдет навсегда и все останется по-прежнему. С чего бы ему возвращаться? Но если он поднимется на гребень, то точно спустится сюда, потому что увидит деревья в зеленых листьях. По ту сторону хребта, даже на том склоне холма Бёрден, зелени нет, все умерло.

Чувствую, мне надо кое-что объяснить. Во-первых, почему я испугалась. Во-вторых, почему пишу в этой тетради, взятой в магазине Кляйнов в миле отсюда.

Я взяла тетрадку и запас шариковых ручек еще в феврале. А еще раньше последняя

радиостанция — такая слабенькая, что я могла расслышать ее только ночью, — прекратила вещание. Она молчала уже около четырех месяцев.

Это «около» стало первой причиной, почему я взяла тетрадь: поняла, что забываю, когда что случилось, а порой не помню, случилось ли *вообще*. Другая причина — я подумала, что, ведя дневник, буду словно говорить с кем-то, а потом, когда перечитаю его, как будто кто-то будет говорить со мной. Но, по правде говоря, я почти ничего не писала — не о чем было.

Иногда я записывала погоду, если случалась буря или что-то необычное. Занесла дату посадки растений, подумав, что это может пригодиться на следующий год. Но большую часть времени я не прикасалась к дневнику — дни повторяли один другой, и порой я думала: зачем вообще что-то писать, если никто никогда этого не прочтет. Тогда я напоминала себе: когда-нибудь, через многие годы, *ты сама* прочитаешь это. Я не сомневалась, что была единственным человеком, оставшимся на свете.

Но теперь у меня есть о чем писать. Я ошибалась: я не единственный человек на Земле. Это волнующе и страшно одновременно.

Сперва, когда все остальные ушли, я ненавидела одиночество и глядела на дорогу весь день и почти всю ночь в надежде, что какая-то машина, *хоть кто-нибудь* покажется на вершине холма. Когда спала, мне снилось, что кто-то заезжал и поехал дальше, не заметив меня; тогда я вскакивала и бежала на дорогу, надеясь хотя бы увидеть растворяющиеся в ночи габаритные огни. А потом... Прошли недели, радиостанции замолкли одна за другой, и когда замолчала последняя, я наконец поняла, что никто больше не придет и ни одна машина не проедет мимо. Конечно, я еще некоторое время уговаривала себя, что это батарейки сели, но, набрав в магазине новых и проверив их в фонаре, поняла, что «села» на самом деле радиостанция.

Правда, человек на той последней станции предупреждал, что ему придется замолчать — иссякал источник энергии. Он все передавал и передавал свои широту и долготу, словно плыл на корабле, а не сидел на суше — где-то под Бостоном, в Массачусетсе. Он еще кое-что говорил, что мне не понравилось. И что заставило размышлять.

Допустим, машина перевалит через холм, я выбегу навстречу, и кто-там-в-ней-сидит выйдет из кабины — а что, если он

сумасшедший? Или, допустим, он окажется жутко противным или злым и жестоким? Убийцей? Что я буду делать? Тот человек на радио под конец и сам стал казаться безумцем. Он был напуган: вокруг явно оставалось совсем мало людей и еще меньше еды. Он все призывал сохранять достоинство перед лицом смерти, говорил, что никто не имеет права считать себя лучше других. Его тон был умоляющим, и я понимала: там происходит что-то ужасное. Однажды он сорвался и расплакался прямо в эфире.

Так что я решила: если кто и придет, я сначала смотрю, кто он, и лишь потом показываюсь на глаза сама. Одно дело ждать визита в цивилизованном мире, когда вокруг есть другие люди. Но когда вокруг никого, мир выворачивается наизнанку. Постепенно я поняла: есть вещи похуже одиночества. И, подумав так, стала перетаскивать все самое необходимое в пещеру.

22 мая

Сегодня под вечер дым пошел снова, в том же самом месте, что и вчера. Я знаю, что он (*она? они?*) делает. Пришел с севера. Разбил лагерь у перекрестка и ходит на разведку на восток и на запад по US 9.

Это меня беспокоит. Если он обследует восток и запад, то, конечно, пойдет и на юг.

Я поняла еще кое-что: у него явно увесистая поклажа, должно быть, еда и вещи. Он оставил их у развилки и совершает вылазки налегке. А это значит, что незнакомец, вероятно, не встретил никого по пути, откуда бы он ни шел, — иначе не стал бы так оставлять вещи. Или же с ним еще кто-то. Конечно, возможно, он просто отдыхает. Может быть, у него машина, но вряд ли. Папа говорил, машины останутся радиоактивными еще долгое время — это, как я понимаю, из-за того, что они из металла. Отец знал много всего такого. Он не был ученым, но читал все научно-популярные статьи в газетах и журналах. Думаю, он поэтому так забеспокоился, когда после окончания войны выключились все телефоны.

На следующий день после поездки в Огдентаун все отправились снова. На сей раз в двух машинах: в нашем грузовичке и в фургоне мистера Кляйна, владельца магазина. Посчитали, так будет лучше: вдруг одна машина сломается. Мистер Кляйн и его жена тоже поехали, и в конце концов мама решила ехать с ними. Думаю, она боялась разлучаться с папой, это пугало ее даже больше,

чем рассказ об Огдентауне. Джозефа оставили дома со мной.

Во второй раз они отправились на юг: сначала через долину, где жили амиши¹, — посмотреть, как те пережили бомбардировку. (Нет, их не бомбили — ближайšie бомбы упали далеко; папа считал, что в сотнях милях от нас или даже дальше: мы едва слышали гул, хотя и почувствовали, как дрожала земля.) Амиши были нашими друзьями, особенно мистера Кляйна — еще бы, его основные покупатели. Поскольку у них не было машин, только конные фургончики, они редко доезжали до Огдентауна.

Потом, проведав амишей, папа хотел повернуть на запад, на шоссе до Динтауна, заодно проехав через Бэйлор. Динтаун — настоящий город, двести тысяч жителей, намного больше Огдентауна. Именно туда мне предстояло поехать через два года, в педагогический колледж. Я надеялась стать учительницей английского.

¹ А м и ш и — одна из протестантских деноминаций, распространенная в некоторых штатах США и в канадской провинции Онтарио. Живут замкнутыми общинами, отвергают многие современные удобства, в частности автомобили, и ездят на конных повозках. — *Здесь и далее примеч. переводчика.*

Они выехали рано утром, мистер Кляйн впереди на своем автофургоне. Отец, прощаясь, погладил меня по голове, как будто мне было шесть лет. Дэвид ничего не сказал. Прошел почти час после их отъезда, когда я поняла, что Джозефа нет рядом, и догадалась, где он: в кузове фургона Кляйнов. Могла бы додуматься и раньше. Нам обоим было страшно, что нас бросают одних, но отец сказал, мы должны остаться на ферме, чтобы поить животных и на тот случай, если кто-нибудь придет или телефоны снова «оживут» и наш зазвонит. Но он не зазвонил, и никто не пришел.

Не вернулась ни моя семья, ни мистер и миссис Кляйны. Я знаю теперь, что они не встретили никого из амишей, никого в Динтауне. Никого живого.

Потом я забиралась на вершины всех холмов, окружающих нашу долину, и на каждой вершине залезала на дерево. Я увидела, что все деревья за холмами умерли, и не заметила ни следа движения. Туда я не хожу.

ДВА

23 мая

Я пишу утром, около 10.30, приходя в себя от того, что должна была сделать. Сердце кровью обливалось, но если прожду, пока он перейдет через перевал и потом через холм Бёрден — то есть спустится в мою долину, где я, наконец, смогу его рассмотреть, будет уже поздно.

Вот что надо было сделать:

выпустить кур из птичника. Я разогнала их, и теперь все они гуляют на свободе. Поймаю их потом, во всяком случае большую часть, если не прогуляют слишком долго;

выпустить двух коров и теленка, молодого бычка, выгнать их из загона на пастбище. Некоторое время продержатся сами. На дальнем поле вдоль дороги хорошая трава, в пруду есть вода, а теленок не оставит

мать недоенной. У меня гернзейцы. Обычно мне везло с животными, да и я хорошо о них заботилась. Куры не переставали нестись, у меня теперь даже на две больше, чем было вначале. Только пес Дэвида, Фаро, убежал. Исчез однажды утром и больше не вернулся. Думаю, он выбежал за пределы долины на поиски хозяина и погиб;

перекопать огород — все мои всходы! Разровнять и присыпать опавшей листвой. Теперь выглядит так, как будто ничего и не было. Эту часть работы я ненавидела больше всего — все так хорошо росло! Но мне хватит консервов и круп, а если бы он увидел ухоженный огород, то сразу бы понял, что здесь кто-то живет.

Я сижу у входа в пещеру. Отсюда можно видеть большую часть долины, дом и сарай, крышу погреба, тонкий шпиль старой церкви (часть досок отошла — смогу ли я починить их? Не знаю) и отрезок ручья, текущего футах в пятидесяти ниже. Видно мне и спуск дороги с холма Бёрден, почти до того места, где она скрывается за перевалом, — это около четырех миль. Но не думаю, что он найдет пещеру: на склоне холма за домом, да закрытую деревьями, да с маленьким входом. Джозеф, Дэвид и я не знали о ней

многие годы, хотя играли поблизости почти каждый день.

Дом он, конечно, найдет, и погреб, и церковь, но наверняка ему попадалось много всякого такого. Хорошо, что я давненько не прибиралась в доме. Сегодня утром внимательно осмотрела его — мне кажется, признаков недавнего присутствия хозяев не обнаружить. Цветы с алтаря в церкви я сняла. Сюда притащила две лампы и запас керосина.

Теперь осталось только ждать. Я сказала, что начала писать около 10.30, но на самом деле совершенно в этом не уверена. Наручные часы ходят, но их никак не проверить, разве что по солнцу. Я и в дате-то не уверена. У меня есть календарь, но как же тяжело — ужасно тяжело — следить за датами даже с календарем. Поначалу я отмечала каждый день карандашом. Но потом, днем, начинала думать: а сегодня уже отмечала? Чем больше думала, тем больше не помнила. Уверена: несколько дней я пропустила. Но другие могла отметить дважды. Теперь у меня другая система: я завожу будильник и ставлю прямо на календарь, и когда он звонит, отмечаю день. Это я делаю строго по утрам, а вечером снова завожу и выставляю будильник.